

Давно пора отказаться от взгляда, согласно которому владение грамотой — это основной признак культуры. Крестьяне дореволюционной России по большей части были безграмотными, и тем не менее они обладали высокой культурой, уходящей корнями к эпохе Древней Руси.

Впрочем, крестьянство оставило и разнообразные письменные источники: дневники и письма, сонники и травники,

тетрадки с записями заговоров и духовных стихов, сборники различного состава. Лишь в самые последние годы они привлекли внимание исследователей и собирателей “живой старины”. Памятники крестьянской письменности близки произведениям примитивного искусства, но одновременно таят в себе семена неиссякаемой мудрости, особого, недоступного нам мировосприятия.

А.В. ГУРА

ВОЛОГОДСКАЯ СВАДЬБА ГЛАЗАМИ КРЕСТЬЯНИНА

Публикуемая запись свадебного обряда сделана неизвестным крестьянином дер. Глебово Кадниковского уезда (ныне Сокольский р-н) Вологодской губ. Описываемый обряд относится к 1897 г. Рукопись озаглавлена: “Свадьба 1897 годо вол. Губ. Код. уез. Дви. волоти Дерев. Глебова”, т.е. “Свадьба 1897 года Вологодской губернии, Кадниковского уезда, Двиницкой волости, деревни Глебово”. Рукопись хранится в Государственном архиве Вологодской области (ф. 652, оп. 1, ед. хр. 76) и представляет собой большие листы без следов правки. Вторая ее часть выполнена другим, более грамотным, почерком и, возможно, под диктовку. По-видимому, запись была предпринята по инициативе известного этнографа и краеведа П.А. Дилакторского, деятельность которого положила начало организации Вологодского общества изучения северного края. Материалы данного описания частично использованы П.А. Дилакторским в его неопубликованном очерке “Свадебные обычаи крестьян Двиницкой вол., Кадниковского у., Вологодской губ.”, хранящемся в том же архиве (ф. 652, оп. 1, ед. 75).

Предлагаемая крестьянская запись — редкий и ценный этнографический источник конца прошлого века. Описание охватывает лишь начальный период свадебного обряда: сватовство, смотрины невесты, осмотр имущества жениха, помолвку, период подготовки к свадьбе. Свадебная традиция Кадниковского уезда принадлежит к достаточно изученной и довольно полно отражена в этнографической литературе. Данная запись представляет интерес прежде всего своими деталями (обстоятельное описание сватовства, смотрин, редкий локальный обряд украшения и выкупа узды).

Но, пожалуй, еще больший интерес представляет собой рукопись как образец самостоятельного литературного творчества. Текст ее несет на себе отпечаток особенностей книжно-литературного и фольклорно-эпического стилей. Это видно, в частности, в сказочном зачатке, в “думах” родителей, в способах передачи диалогов и введении прямой речи. Но главное — текст живо и непосредственно передает бытовую и психологическую атмосферу крестьянской жизни и представляет свадебный обряд как бы изнутри, а не глазами собирателя или этнографа-исследователя. Для описания обряда здесь не отбираются, как это бывает обычно, лишь ритуально значимые факты, а фиксируется “вся жизнь” в непрерывном ее течении, без каких-либо пропусков, забегающих вперед и экскурсов в прошлое. С равным вниманием автор описывает и собст-

венно ритуал, и внеобрядовые, повседневные события (легли спать, проснулись, оделись, поставили самовар и т.д.), не делая между ними различий. В его восприятии они существуют нерасчлененно. Влияние канцелярского стиля ощущается в документализме описи приданого и перечня лиц, отправляющихся на смотрины, в фактографическом педантизме, с которым приводятся сведения о времени описываемых событий (“время стало 9-й час”) и возрасте действующих лиц (“Ивану — 50, Марье — 48”).

Текст отражает живой разговорный язык и ряд диалектных особенностей: оканье (*кудажо, человек, шопнула*), отражением которого является орфографическое смещение букв *о* и *а* (*Марья и Морья, час и чос, надо и нода, Ивон и мн. др.*), цоканье (*сейчас, велицоет, гостиница, Ивановиц*), так называемое среднее *і* (в написаниях *доволно, вдовол, большой*), и в качестве рефлекса “*ять*” (*умиеш, надили, иминья*), отверждение некоторых согласных (*лошат, зват, к Митке, поправте*), окончание *-ам* в твор. падеже мн. числа (*с калошам, пирогам, за гостям*) и др. Из орфографических особенностей можно отметить фонетические написания (*гозба, здрастуй, сватацо, катаеся, попошшovali, молоччик, вызбы, выпряк, блиско, онбар*), смещение глухих и звонких *б* и *п*, *д* и *т*, *с* и *з* (*бравда, бяница, забросто, рапотат, куда и кута, стытица, думайде, воточки, на зарай*), слитное написание слов, особенно с предлогами или частицами.

Для облегчения восприятия текста при подготовке публикации авторская орфография приближена к ныне принятым нормам. Устранены явные описки, частично — некоторые фонетические диалектные особенности (но не затронуты грамматические, лексические и синтаксические особенности говора), введены пунктуация и разделение на предложения и абзацы, раскрыты некоторые сокращенные написания, в квадратных скобках вставлены отдельные необходимые для понимания смысла слова и сделаны незначительные купюры в тексте.

Чтобы легче было разобраться в родственных отношениях упоминаемых в тексте лиц, перечислим всех участников свадебного обряда: Павел Иванович — жених (дер. Глебово), Марья — невеста (дер. Котлакса), Александр Зайцев — сват, Иван Прохоров — отец жениха, Марья — мать жениха, Галина — тетка жениха (сестра матери), Анна — старшая сестра жениха, Федор Иванович Кокорень — отец невесты, Катерина — мать невесты, Николай — дядя невесты (брат отца), Манефа — его жена, сватья.

Свадьба

1897 ГОДА ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ,
КАДНИКОВСКОГО УЕЗДА,
ДВИНИЦКОЙ ВОЛОСТИ,
ДЕРЕВНИ ГЛЕБОВО

Жил крестьянин Иван Прохоров. Семейство у его было петеро: две дочери, один сын. А сына звали Павел, а Павлу было девятнадцать лет. Вздумал Иван сына поженить. Иван и говорит своей жене: "Марья, давай сына женим". А жена Марья была мужу непротиворечившая никовда, потому что была жена умная. И говорит мужу своему: "Давай начнем в доброй час засылать свата". — "А куда?" — "А не знаю куда. Давай подумаем".

Дума отца и матери сыну об невестах. "Давай-ко к етой посватаемся". — "Какой?" — "На Кобылкино, к Василью Матфееву Грибу". Говорит Иван своей жене: "Нет, тут гостьба худа будет: отца нет у ее, брат как почестит, так и ладно". — "Да, конечно, это правда, это не невеста нашему жениху. Нашему жениху дадут и лучше". — "Так куда жо будем свататься теперечи?" Говорит Марья своему мужу: "Давай-ко у ся в деревне (то есть Глебово) посватаемся". Говорит муж ее: "[К] кому?" — "А к Митьке. Девка-то работшья". А Иван, муж ее: "Нет, не надо". — "Что?" — "Потому что мала больно. Надо нам девку не маленькую, потому что у нас парень рослый". Марья говорит: "Ну, как хочешь, я-то думала, гостьба будет хорошая, и гостить будет близко, это-то бы и пешком бы можно сходить". Говорит муж ее: "Нет, не надо — мала. Я не люблю маленьких. И вот ты мала, так худо". Ответ Марьи: "Да ведь прожил век-от" (Ивану — 50, Марье — 48). — "Так и худо: маленькая".

Отец сына спрашивает и матери: "Ну что, Павел, сказывай правду, какая по мысли девка тебе?". Ответ сына отцу и матери: "Хорошо бы я выбрал, да как вам поглянется, отец и мать". — "Говори". — "А вот где девка-то славная". — "Где?" — говорят родители. — "В деревне Котлакса у Федора Иванова у Кокорня Машка — славная девка. Вот вам по мысли или нет? А мне так по мысли". Отец и мать на друг дружку сглянулись, просмеялись и говорят сыну: "Тебе по мысли, так и нам по мысли". Говорит сын: "Дак посылайте

свата в добрый час". Отец говорит: "Кого станем посылать сватом?" — "Вот кого, Александра Зайцева". — "Да и правда, человек подходит". Говорит отец дочери, большой Анне: "Сходи за Александром". Дочь Анна оболоклась. [Пришла] села на лавку и говорит: "Александр, иди-ко к нам". А он говорит: "Начто?" — "Надо, тятке начто-то". — "Сейчас иду". Зайцев оболокся, идет. Пришел, помолился богу. Говорит: "Ночевали здорово?" Отвечают: "Поди-ко, здорово". — "Начто звали меня?" — "Надо, садись на лавку, так и скажем". Сел на лавку, ему стали говорить Иван Прохоров и жена его Марья: "Постарайся ты для нас, сходи сватом". — "Куда?" — "На Котлаксу". — "[К] кому?" — "К Федору Кокорню". — "Давай я схожу для вас. А все ли согласны?" — "Все согласны. Поди с богом в добрый час. А ты тепере только спроси, станут ли ноне отдавать, и предложь жениха и объясни про нас". — "Ну ладно". Стал и пошел домой. Нарядился и отправился по сказанному ему пути. Идет наш посланник и попадает ему навстречу собака. А наш посланник сам себе и думает: стой, будет дело — встреча хорошая.

Пришел наш посланник в избу [к] Кокорню, богу помолился и сказал: "Ночевали здорово?" Ему отвечают: "Поди-ко, здорово. Садись-ко на лавку да хвастай". Наш посланник сел на лавку вдоль пола половиц и посеживает. Хозяина нет дома, а Кокорня хозяйка дома и наша невестка дома. У Федора Иванова Кокорня хозяйку звали Катериной. Стала Катерина спрашивать: "Куда, Александр, катаешься и далеко ли ходишь?" Он отвечает: "Да вот и будет покудова. А где у тебя хозяин Федор Иванов?" Говорит Катерина: "Уехал на мельницу. А он придет скоро".

Вот Кокорень приехал, лошадь выпряг, приходит в избу, здороваются с Александром, называет, величает и спрашивает: "Далеко ли ходишь?" — "А вот и будет". Так и говорит Александр Зайцев: "Я к вам пришел". — "А за каким случаем?" — "За

надобным". — "Сказывай, не стыдись, некого стыдиться". — "Я пришел к вам от жениха. Станете или нет отдавать вы Марью?" Кокорень говорит: "Я не знаю — как у меня старуха". А старуха отвечает: "С богом, как жених хорошей". Говорит Зайцев: "Жених погленется". — "Какой, сказывай". Ответ Зайцева: "От нас из деревни, Ивана Прохорова — Павел Иванов, жених славной". Кокорень и Катерина говорят: "Мы этого жениха довольно знаем". Говорит Зайцев: "Думайте да говорите что-нибудь".

Дума Кокорня и Катерины об отдаче дочери. Катерина говорит, что "Федор, это место славное. Хотя и шестая в семью, так живут хорошо: три коровы, пара коней, хорошие земли у их. Широко* : хлебы на год хватает, семена всякие свои, живут прожитошно. Парень хорошей, не пьяница, работать задорной". — "Ну, так я согласен отдать за этого жениха". Говорят Кокорень и Катерина Александру Зайцеву: "Поди с богом домой да объясняй Ивану Прохорову: согласны отдать за вашего жениха".

Ну ладно. Пирогом попотчевали. Александр Зайцев простился, и отправился домой наш Александр Зайцев. Приходит прямо к Ивану Прохорову и говорит: "Охотно приняли мои разговоры и согласны отдать дочь за нашего жениха". Говорит Иван: "Так надо ведь итти запросто девуку посмотреть. Так вот, завтра идите Марья, сестра твоя Галина". Ночевали, облоклись жена Ивана Марья и сестра Галина и отправились на Котлаксу [к] Федору Кокорню запросто девуку посмотреть.

Пришли к невесте в избы, а невеста на пече лежит ненарядная. Мать девке шепнула: "Облоклись, девка". Марья слезла, сходилась в сеник и облоклась. Пришла в избы, поздоровалась, села за работу, а наши свахоньки глядят на девуку, какова есть. А хозяйка Катерина взяла ведра и пошла по воду на реку да стала самовар согреть. Самовар согрела, на стол поставила, сватьюшек за стол посадила, чайком угостила и водочки рюмочке по две подала. Говорит Галина девке: "Марья Федоровна, сядь-ко за стол да поразливай нам чайку — умеешь ли разливать чай-от?" Марья встала из-за работы и села за стол и стала разливать чай. Говорят и смеются: "Умеешь разливать!" — "А ноне кто-то не умеет разливать чай?" Да чайку покушали, вылезли из-за стола, поблагодарили за угощение. Катерина стала звать у дочери скруты смотреть: "Идите посмотрите, голубушки, у моей невесты иминья".

Наши сватьюшки пошли смотреть в горницу иминья невесты. И посмотрели все. Всего было довольно, и поглянулось. И пришли в избу и стали звать к себе места у жениха смотреть. Федор, Катерина говорят: "Когда нам приехать к вам места смотреть — завтра или сегодня?" Говорят наши Галина и Марья: "Едьте по-за нам или вечером сегодня, потому что нечего долить. Едьте вечером, а мы пойдем дома поизладим кое-чего". — "Ну ладно. Так дожидайте нас сегодня вечером, приедем к вам места смотреть".

Наши сватьюшки Галина и Марья простились с Федором и Катериной и невесткой Марьей и пошли домой [в] Глебово. И пришли домой, и говорят: "В избе пообиходьте, и в анбар сходи, и на дворе поправьте все. Сегодня приедут вечером в 10 часов места смотреть". Ну ладно. Что сказано, то и сделано. В избе, в анбаре и на дворе поправили все.

Дожидаются места смотреть. Время стало девятый час. Федор, Катерина стали сряжаться. Федор брата своего позвал Николая и жену его Манефу и стали сряжаться. И срядились. Сели на коней и поехали в Глебово места смотреть. Приехали под окно к Ивану Прохорову. В избе стали самовар согреть. А Иван пошел гостей встречать. Вышел на улицу, говорит: "Добро жаловать. Милости просим, Федор Иванов и Николай Иванович. Здравствуйте и вы, голубушки". — "Здравствуй, Иван Прохоров". — "Давайте заезжайте на сарай". Федор и Николай заехали на сарай, коней к сену поставили. Сами в избу пошли.

Пришли в избу, богу помолились: "Ночевали здорово?" — "Подите-ко, здорово. И добро жаловать. Садитесь-ко на лавку". Приезжие сели на лавку и посматривают везде. А Иван Прохоров засветил свечку и поставил ее в фонарь. Стал говорить: "Пойдемте, братья, и вы, сношальницы". Встали и пошли места смотреть.

Сперва пошли в гуменник, просмотрели все. И поглянулось. Хорошо. Потом пошли в анбар, поглядели хлеба всякого. А было вдоволь всякого хлеба у Ивана Прохорова. Поглянулось Ивановым в анбаре. Потом пошли в дом смотреть. Пришли во двор, поглядели во дворе. — "Еще посмотрите в стае". Пошли и посмотрели. А скота было всякого довольно, коров и коней. Поглянулось братьям, Федору и Николаю, и Катерине, и Манефе. Ну, еще пошли в голбец, т.е. под избы, мелкого скота смотреть: овец и телят. Посмотрели, и поглянулось. Потом пошли имения в горницу смотреть. И смотрят: шубы и полутулуп, пальто и пинжаки, рубашки и подштанники. А всего было вдоволь имения всякого на сына и на дочерей и на самих стариков Ивана и Марью. Вышли из горниц и остановились на сарае. И говорят: "Всего много и заведенье все хорошее. И парень умной и работшой. А старики смиреные. Это место по нам очень хорошо. Жить этта можно хорошо".

Смотрители места пришли в избу, сели на лавку. Самовар скипел, на стол поставили, гостей за стол посадили, чайком и водочкой угостили. Остались угощением довольны братаны Ивановы. Вылезли из-за стола, поблагодарили за угощение Ивану Прохорову, и жене его, и сыну, и дочерям. Стали звать за собой невесты смотреть. Иван Прохоров, и жена Марья, и сын его посулились.

Простились с им и поблагодарили за угощение всем и отправились домой на Котлаксу. Приехали домой, исправили дома все, что надо им, и дожидают девки смотреть. Вот наши Иван Прохоров, и жена его, и сын его стали сбираться и породу некоторую стали звать с собою. Собрались и облоклись, коней запрягли, сели и поехали: 1. отец и 2. мать, 3. жених, 4. Александр Зайцев, 5. его жена, 6. Галина, сестра Марья. Всего поехало 6 человек смотреть.

Приехали в дер. Котлаксу не к Федору, а к брату его Николаю. Коней на сарай, а сами в избы пошли к Николаю. Пришли в избы, богу помолились, сказали: "Ночевали здорово?" — "Добро жаловать, добро жаловать, Иван Прохоров, и всем вообще. Садитесь на лавку". Наши сели на лавку, а Николай пошел к брату, чтобы наряжали девуку. Приходит к брату Федору и говорит: "Давайте наряжайте Марью". — "Да ее и дома-то нету, на вечерине". — "Так сходите скорее по ее". Сходили и привели Марью.

А народ весь узнали, что ее приехали смотреть, девки все пришли в избу к ней, стали ее наряжать в скруту шелковую, на ноги надели полусапожки с калошам, на голову шляпку — и нарядили Марью совсем. И говорят Николаю: "Поди зови Ивана, жениха Павла и всех приезжих". Николай пошел за гостям домой.

Пришел и говорит: "Ну, готова и нарезена наша девица. Можете итти благословесь". Наши молодчики встали и пошли к Федору Иванову. И говорит мать сыну: "Ну, голубчик, смотри про себя, поглянется или нет". Говорит сын: "Хорошо, мать. Да и вы смотрите, мне стыдно будет глядеть-то на ее". Пришли. Ее выводят и станоят против его. Постановили, поклонились друг дружке оба, и потом посмотрели недолго, и потом взяли свечи в руки бабы с невестину сторону, и подошли к жениху, посмотрели одежду на нем, потом [с] женихову сторону мать и сестра тоже посмотрели одежду на невесте и говорят ей: "Пройди-ко, не хромая ли?" Она прошла, поклонилась им. Потом жениха заставили также: "Не хромой ли, пройди-ко". Он тоже прошел и поклонился ей. И потом постановили их рядом, померяли. Со сторон люди говорят: "Славны молодые. Немного помене она его". Потом говорят: "Насмотрелись в этой скруте, в другой покажите".

Потом ее повели в куть разблокиать. Потом в другую скруту одели (кашемировой и на голове полшалычик), велели в другую-редь. И опять поставили перед него, и поклонилась. И он то же самое поклонился-его. Посмотрели ее и говорят: "Благодарим показать нам девушки". И потом говорит Катерина, невесты мать, и Федор: "Пойдемте в горницу одежды смотреть" Он и говорит: "Пойдем". Да и пошли в горницу.

Пришли в горницу и стали смотреть. В первом сундуке, значит, пестрядиные исподки. И сосчитали их 25 штук, и 3 конца пестряди,

* Широко — богато, таровато, хлебосольно.

** Далее другим почерком.

и потом 9 бумажниц и льняной. Во втором сундуке шерстяные сарафаны, их было 7. В третьем сундуке платки и полушалки. Фаток и полушалок было 17 штук. В четвертом сундуке обложки, казачки, теплушки и кофты. Потом [в] пятом — платья и пары разные. Пар 13 было. Ну, посмотрели все, всего много, поглянулось. И потом стали о приданом хлопотать. Иван, значит, запрашал 39 рублей приданого: "Поезд вам не знать — я сам дарю". Федор им посулил 20 рублей да еще корову и овцу. Они торговались и схлопотались на 25 рублей. Потом руку дали, обвернули полотенцем (ниже невестина рука, отцы руки дают). И потом Катерина и Марья обнесли хлебом кругом рук по три раз, за стол посадили женихову породу, водочкой угостили, стаканчика по два. Невеста в это время сидит в куте с девицами-подружками. Да и потом подали третий стакан Павлу, жениху. Он попочевал Федора и Катерину, потом стал подчарнивать: "Марья Федоровна, иди-ко, выкушай стаканчик от меня". Она моучит, ответу не дает. Потом Павел во второй раз подзывает, то же самое — нет ответу. Потом в третий раз подзывает, и говорит она: "Не пойду, не хочу". Потом Федор пошел по нее, взял ее за руку и повел. И привел ко столу и за стол посадил по левую сторону жениха. Потом голову у их соединили и наклонили, платком накинудли и взяли икону, свечку к ней прилепили. Стал обносить иконой Иван три раз (все из-за стола вылезли, а молодые на ногах), три раз обнес, свечку отлепил, перекрестился и поцеловал икону. Потом платок сняли, и Павел, перекрестившись, поцеловал и Марья тоже. Опять платок накинудли, стал Федор обносить образом три раза. Так же потом Марья, женихова мать, и потом Катерина. За стол залезли женихова порода, и молодые сели. И потом в это время девки запоют песню "Изменщицу": "Ты изменщица, ты изменщица, ты какая, ты какая лицемерщица". Из среды подружек одна девица подходит ко столу и просит за "Изменщицу" денег у жениха: "Павел, нам за "Изменщицу" денег!". Он вынимает и подает 20 копеек, а она говорит: "Мало, надо 25". Он еще добавляет ей. Поклонилась и ушла к подружкам и говорит: "25 дали".

И потом стал Федор чествовать водкой, начиная потчевать с жениха. Дошла очередь до Галины. Она попила немножечко и отстала пить. И говорит: "Молодые, горько, посластите!". Они встали, взяли друг дружка за ушки и поцеловались трижды в крестики. Потом обратились и поклонились Галине — кушай за их здоровье, топере сладко. Она взяла весь и выпила. Потом очередь далее пошла, и стали угощаться и подзывать Катерину, Федора и Николая. И жену Манефу стали подзывать: "Сватьяшко, выпей". — "Сватьяшки, я не хочу, кушайте сами". Так вот очередь шла далее и потом молодых заставляли сластить — кто вздумает, тот и заставляет. Ну, потом поугощались, молодая Марья вышла из-за стола и пошла к девицам в куть. Ну, и посидели немножечко за столом после нее и потом вылезли. Павел пошел к ней в куть, и сел рядом к ней и говорит: "Ты не плачь, я гостинца тебе пошлю и обижать тебя не стану никогда". Посидел, поговорел кое-чего, простился, и поцеловал, и пошел из куты. Она встала, проводила немножечко до среди избы и говорит: "Пойд с богом и приходи по мне в другой раз поскорее, не забываяй". Он сказал "Ну ладно". Отец и мать его облоклиться, и вся порода, поблагодарили за угощенье и домой стали срыжжаться. И сели на коней и поехали. Их Федор и Николай провожали недалеко. Невеста немного поплачет без причитальщицы, поврет кое-чего и ладно. Ну, потом разболочется. Народ весь уйдет.

Приехал жених домой и говорит: "Ну, слава богу, сосватался топере". И говорит мати: "Ну, топере надо думать про свадьбу, кода свадьбу уложить и к попам сходить". Это сказала и стала спать ложиться. Ночевали, поутру встали, стали обиходить кое-чего, к свадьбе приготавливаться. И потом Павел встал, умылся, богу помолился, позавтракал, сходил погулял. Сосватан — работать ничего не станет. Невеста тоже не работает, но из дому выходит мало, потому [что] "запорушена". Косить станет ходить, так люди будут смеяться...

Ночевали и пожили день-другой. Да и приходит Павел на Котлаксу, да и подает Марье гостинчика в полушалчике. Она взяла, поблагодарила ему за гостинцы и говорит: "Больно добр купил полушалчик, даром бы и похуже". Она подает ему кисет под табак из шелковой материи. Чаем его угостили, и он спрашивает: "Когда, батюшко, станем свадьбу уложивать?" А он говорит: "Через неделю, в понедельник". А он говорит: "Ну ладно

Дьячок Подложский из Олонецкой губернии. 1901 г.
Фото М. А. Курдюшкова. Г.ЭМ

и в понедельник. Приходите к нам в пятницу, к попам пойдем". Простился и пошел домой. Приходит домой и говорит отцу-матери: "Приедут в пятницу, к попам сходите".

Дожили до пятницы. Федор пришел с Котлаксы, чаем угостили и с Иваном пошли к попу, взяли с собой денег и штоф водки. Приходят к попу, благословились. Он у их спрашивает: "Что, свадьба заводится?" — "Да, батюшко, — говорят они. — Когда нам прикажете с поездом приехать к Вашей милости?" А они говорят: "В тот понедельник можно будет?" А он говорит: "Приезжайте". Ну, и говорит Иван: "Много ли, батюшко, возьмешь за венченье с моего жениха?". А он говорит: "Пять рублей и штоф водки". А Иван говорит, что будет и четыре рубля. А он говорит: "Ну ладно и четыре". Водки принес, говорит: "Принес, вот вам, батюшко, водка". На стол поставил. А Федор говорит: "А с моей дочери много ль, деньгами или даровьем?" — "Деньгам 2 рубля с полтиной, а даровьем 24 аршина холстины тоненькой, и попадье плат, и дьяконам по плату хорошему". — Ну ладно, батюшко, — говорит Федор, — дарам подарим мы тебя". И говорит священник: "Сходи, Иван, за дьяконом, за Еферей и Благовещенским". Иван сходил и привел их обех. Священник рюмочку принес, подал Ивану и Федору рюмочки по две. Они встали, простились и пошли домой. А остатки водки поп с дьяконами выпил всю.

Пришли домой, стали приготавливаться к свадьбе в обех сторонах. А Павел-жених взял две узды с коней, понес к девицам наряжать. Приходит к девицам, а там девицы были в собренье, и говорит: "Девицы, нарядите мне узды, пожалуйста". Оне взяли с радостью узды наряжать и пошли за тряпичкам всяк к себе в дом, а Иван пошел домой.

Пришел домой, стали приготавливать пиво к свадьбе, в печь ставить варить. Ночевали, поутру пиво выняли из печи — уварилось уже (в обех сторонах по 8 горшков было), и стали за пивом ходить. Выходило, его в бочки слили. А девицы узды нарядили, взяли и пошли к Павлу. К дому, т.е. к женихову, пришли, остановились у дому, песню и запели: "У Павлушка хоромы хороши, во дворе-то столбы точеные, верешки позолоченные, подвороточка немецкого стекла. Под подвороточкой горюч камень лежит, из-под камешка быстра речка текет". Выходит Павел, его мать и сестра Анна. Павел с водкой, Марья с гостинцам и с пирогам, Анна с пивом. Вышли, поклонились им и стали водкой подавать. Стала каждая подходить водку выпивать, гостинцев брать, пирогом закусывать и пивом запивать. По стакашку обнесли и потом стали приглашать в дом к себе. Пришли в дом, за стол посадили, а узды Павлу сдают. И говорит Павел: "Спасибо, девицы, больно хороши узды нарядили". Водки принесли, самовар поставили и стали угощать водкой, чаем, пирогам и пивом. Поугощались и вылезли из-за стола, поблагодарили и отправились домой.